

Олег Витальевич Смирнов

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119606, Москва, пр. Вернадского, 82)

E-mail: ovsmirnov@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0001-6644-3854>

Волжско-финские диалекты исторических мерянских земель по данным топонимии. Языковые кальки. I

Аннотация

В статье обосновывается возможность получения данных о вымерших финно-угорских языках Центральной России на основе составленного формализованного каталога субстратных топонимов финно-угорского происхождения на территории исторических мерянских земель (ИМЗ). Ключом к этимологизации лексических фактов локальной топонимической системы, оставленных предположительно языками мери и муромы, является обнаружение нескольких десятков случаев калькирования географических названий. Учитывая это, методика исследования локальной субстратной топонимической системы может быть сродни дешифровке письменности на основе имеющихся билингв. Предполагаемые случаи калькирования являются наиболее надежными топонимическими свидетельствами вымерших языков. Картографирование топонимических калек на территории ИМЗ показывает их высокую корреляцию с местами концентрации археологических памятников, предположительно оставленных мерей в конце I — начале II тыс. н. э., что говорит о времени и истории их возникновения. Повторяемость и массовость этих случаев позволяет свести к значениям, близким к нулю, вероятность случайности обнаруживаемых соответствий. Количество основ, участвовавших в процессе калькирования, превышает 70 единиц. Этого достаточно, чтобы выполнить первичные наблюдения над фонетическими и словообразовательными особенностями субстратных лексических фактов с точки зрения исторической фонетики и исторической лексикологии финно-угорских языков. В ходе исследования выявлены не только случаи русских топонимических калек, но и неоднократно встречающиеся случаи калькирования между разными диалектами (языками) вымерших финно-угорских этнических групп. Уже одно это свидетельствует о присутствии на территории ИМЗ до русского заселения не одного, а нескольких финно-угорских диалектов (языков). В первой части статьи демонстрируются примеры и важность обнаружения случаев калькирования для формирования первичного набора надежных этимологий. Во второй части будет представлен анализ фонетических и словообразовательных особенностей выявленных языковых фактов вымерших финно-угорских языков ИМЗ и их ближайшее соответствие в финно-волжских языках.

Ключевые слова

субстратная топонимия Центральной России; финно-угорские языки; волжские финны; меря; реконструкция мерянского языка; топонимические кальки; этимология

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

Выражаю большую благодарность Т. В. Матвеевой за предоставление доступа и возможности работы с картотекой А. К. Матвеева.

Для цитирования

Смирнов О. В. Волжско-финские диалекты исторических мерянских земель по данным топонимии. Языковые кальки. I // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 1. С. 55–81. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.1.002

Рукопись поступила в редакцию 12.09.2024

Рукопись принята к печати 17.11.2024

Oleg Vitalyevich SMIRNOV

PhD, Senior Research Fellow, School of Advanced Studies in the Humanities, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Ave., 119606 Moscow, Russia)

E-mail: ovsmirnov@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0001-6644-3854>

Volga-Finnic Dialects in the Historical Merya Lands According to Toponymic Data. Linguistic Calques. I

Abstract

This article substantiates the possibility of obtaining data on extinct Finno-Ugric languages of Central Russia through a formalized catalogue of substrate toponyms of Finno-Ugric origin within the historical Merya lands (HML). The key to etymologizing lexical facts within the local toponymic system, presumably left by the Merya and Muroma languages, lies in the identification of several dozen instances of geographical name calquing. This approach suggests that the study of the local substrate toponymic system is akin to deciphering the writing through existing bilinguals. The presumable calques provide the most reliable toponymic evidence for these extinct languages. Mapping these calques within the HML reveals a strong correlation with the locations of archaeological sites, which are thought to be left by the Merya in the late 1st to early 2nd millennium AD, indicating their time and history of origin. The recurrence and widespread nature of these cases reduce the probability of random matches to near zero. The number of toponymic bases involved in the calquing process exceeds 70 units. This is sufficient to perform primary observations on the phonetic and word-formation features of substrate lexical facts from the perspective of historical phonetics and historical lexicology of Finno-Ugric languages. The study revealed not only instances of Russian toponymic calques but also repeatedly occurring cases of calquing between different dialects (languages)

of extinct Finno-Ugric ethnic groups. This alone indicates the presence of not one but several Finno-Ugric dialects (languages) in the HML territory before Russian settlement. The first part of the article demonstrates examples and the importance of detecting cases of calquing for the formation of an initial set of reliable etymologies. The second part will present an analysis of the phonetic and word-formation features of the identified linguistic facts of the extinct Finno-Ugric languages in the HML and their closest correspondences in the Finno-Volga languages.

Keywords

substrate toponymy of Central Russia; Finno-Ugric languages; Volga Finns; Merya; reconstruction of the Merya language; toponymic calques; etymology

Acknowledgments

The article is part of the state assignment research program of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

I'm deeply grateful to Tamara Matveyeva for providing access to and the opportunity to work with Alexander Matveyev's card index.

For citation

Smirnov, O. V. (2025). Volga-Finnic Dialects in the Historical Merya Lands According to Toponymic Data. Linguistic Calques. I. *Voprosy onomastiki*, 22(1), 55–81. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.1.002

Received on 12 September 2024

Accepted on 17 November 2024

Из исторических и археологических источников известно, что территории лесной зоны Центральной России до прихода на них в начале II тыс. н. э. древнерусского населения занимали какие-то вымершие к настоящему времени аборигенные племена. По косвенным признакам, в том числе по изучению географических названий, установлено, что к западу от Москвы это были в основном племена, говорившие на балтских языках [Седов 1971; Топоров, Трубаев 1962; Топоров 1972], а север и северо-восток от Москвы (бассейн верхнего течения Волги, бассейн Клязьмы и нижнего течения Оки) населяли племена, упоминающиеся в летописях под именем *меря* и *мурома*. Языки мери и муромы принято считать вымершими финно-угорскими языками. Ввиду отсутствия письменных свидетельств установить их более точную языковую принадлежность затруднительно. Из-за недостаточности лингвистического материала выдвигался ряд крайних версий: от тождества мери и марийцев [Vasmer 1935] до близкого родства языка мери финскому либо саамскому языку [Ahlqvist 1998; Рахконен 2012].

Единственным наиболее полным источником лингвистических данных о вымерших мерянском и муромском языках являются субстратные географические названия, унаследованные русским языком от ассимилированного финно-угорского населения. История вопроса подробно изложена в работах

А. К. Матвеева [2001; 2015]. Там же систематизированы первые итоги изучения субстратных топонимов предполагаемого мерянского происхождения. А. К. Матвеевым выделены основные дифференцирующие типы мерянских топонимов и на основе ареала распространения этих типов очерчена территория исторических мерянских земель (далее — ИМЗ). ИМЗ охватывает Ярославскую область, Ивановскую область, восточную часть Тверской области, северо-восточную часть Московской области, северную часть Владимирской области, западную часть Костромской области и северо-западную часть Нижегородской области. Термин ИМЗ используется в настоящей работе в соответствии с тем смыслом и содержанием, которые были определены в трудах А. К. Матвеева.

Работа А. К. Матвеева не была закончена, и генетическая принадлежность мерянского языка до сих пор остается под вопросом. Для успешной интерпретации лингвистического материала о вымерших финно-угорских языках Центральной России требуется для начала систематизировать этот материал, максимально его дополнить, критически отобрать и формализовать. С этой целью была проведена работа по формированию общедоступного систематизированного каталога (словаря) топонимов финно-угорского происхождения на территории ИМЗ. В настоящий момент в базу данных «Каталог топонимов финно-угорского происхождения на территории исторических мерянских земель» (далее — каталог) внесено 2 086 строк (заглавных словарных статей). В каждой строке (словарной статье) каталога представлена формализованная информация о топониме: вид объекта, его локализация, географические координаты, источник заглавной формы топонима, варианты названия, засвидетельствованные в исторических источниках. В базу данных не включались сомнительные единичные фиксации без более или менее четкой локализации названий. Этим обеспечивается достоверность включенных в каталог языковых фактов и ценность их для этимологических исследований. Ввиду того что целью каталога является формирование этимологического словаря, содержащего материал апеллятивной лексики вымерших волжско-финских диалектов, условно называемых мерянскими, топонимы отантропонимического происхождения по возможности исключены из базы данных, так как в силу подвижности русского населения в большинстве случаев на данном этапе невозможно доказать местное меряское происхождение различных иноязычных фамилий, которые отражены в русских топонимах ИМЗ. Кроме того, сами антропонимы в мерянском языке могли иметь иноязычное происхождение, никак не связанное со словами мерянского языка, как, например, большинство личных имен в современном русском языке или в большинстве других известных сейчас языков. Первичное формирование каталога произведено в общедоступной

программе Excel, с возможностью преобразования в любой другой письменный формат — как табличный, так и привычный словарный (текстовый). Пример словарного перечня калькированных топонимов ИМЗ, составленный на основе выборки из каталога и содержащий информацию о рассматриваемых в данной работе названиях, будет приведен в приложении ко второй части статьи (которая планируется к публикации на страницах журнала «Вопросы ономастики» в ближайшее время). Основным источником информации базы данных (каталога) послужила картотека профессора, доктора филологических наук, члена-корреспондента РАН Александра Константиновича Матвеева¹.

По сути нанесенные на карту материалы каталога представляют собой отражение сохранившегося с разной степенью точности и полноты отрывка локальной топонимической системы, который можно сравнить с фрагментом текста из более чем двух тысяч слов на исчезнувшем языке. Процесс этимологизации такой локальной топонимической системы сродни процессу дешифровки текста. В связи с этим методы этимологизации субстратных топонимов могут быть во многом сходны с методами дешифровки письменных текстов. Так, например, для успешного процесса дешифровки важно найти ключ, подсказку, с опорой на которую можно будет по цепочке «вытащить» значения знаков и перевод всего текста. Чаще всего таким ключом являются билингвы (параллельные надписи на разных языках), где один из языков хорошо известен. Аналогичным образом успех «дешифровки» фрагмента локальной топонимической системы зависит от наличия серии надежных этимологий отдельных повторяющихся элементов в топонимах (например, географических детерминантов, повторяющихся основ), а также убедительных этимологий отдельных названий. На основе серии таких надежных соответствий можно установить ближайший для сравнения язык-этимон (или языки-этимоны), фонетические закономерности, структурно-словообразовательные модели — и на основе этих закономерностей увеличить число этимологий с высокой вероятностью неслучайности этимологических сопоставлений.

С учетом сказанного предлагается выработать новую методологию этимологического анализа локальных субстратных топонимических систем, которая родственна методологии дешифровки текстов. Необходимо начинать дешифровку не с фронтальных сопоставлений всего массива топонимов с совокупностью лексики выбранного для сравнения языка (такой подход чреват высокой вероятностью случайных звуковых совпадений), а с поиска серии ключевых надежных этимологий. Если в анализируемой топонимической системе есть достаточно большое количество языковых калек, то именно они могут служить

¹ Предоставлена вдовой ученого Тамарой Вячеславовной Матвеевой.

важным ключом к этимологизации субстратного языка. В данном случае топонимические кальки сродни билингвам письменных текстов.

В ходе работы над составлением каталога было выявлено 90 топонимов с признаками калькирования. Выборка из каталога с перечнем этих топонимов приведена в уже анонсированном приложении. Некоторые из примеров топонимических калек ранее фигурировали в работе А. К. Матвеева [2015]. Однако основная часть материала публикуется впервые. В настоящей статье анализируются языковые особенности исключительно этих 90 топонимов. В дальнейшем, руководствуясь принципом последовательного вовлечения материала в процесс этимологического анализа, предполагается дополнительно рассмотреть другие случаи надежных этимологических сопоставлений с обоснованием критериев надежности.

Публикация данного материала преследует целью ввести в научный оборот факты вымерших финно-угорских языков Центральной России, которые могут служить опорой для расширения наших знаний о них, их особенностях и месте в генеалогической классификации языков. Этот этап исследования является начальным, он ограничивается некоторыми общими наблюдениями над теми возможностями, которые обнаруженные кальки открывают для последующего этимологического анализа.

1. Ареал калькированных названий и междialeктные топонимические кальки

Калькированные названия распространены повсеместно на территории ИМЗ. Интересно сопоставить распространение таких топонимов с зонами концентрации археологических памятников финно-угров I — начала II тыс. н. э. (мерянско-муромские археологические памятники) [Леонтьев 1996: 26] (см. рис. 1). Ареалы концентрации рассматриваемых названий в силу масштаба карты выделяются не так явно, но можно видеть, что значительное их количество к югу от Волги отмечается на следующих территориях:

- в Ярославской области в районе оз. Неро и Плещеево;
- в Суздальско-Юрьевском Ополье;
- в бассейне нижнего течения Клязьмы.

Эти микроареалы совпадают с археологическими данными. Более размытая картина наблюдается севернее, но и там можно заметить присутствие калькированных топонимов в ареалах мерянских поселений, особенно на территориях, прилежащих к устью р. Кострома в Некрасовском, Нерехтском и Сусанинском районах Костромской области, а также восточнее — в среднем течении р. Унжа. Небольшие зоны ИМЗ, где мало топонимических калек либо

они совсем не обнаружены, также в основном коррелируют с отсутствием либо низкой плотностью соответствующих археологических памятников, например:

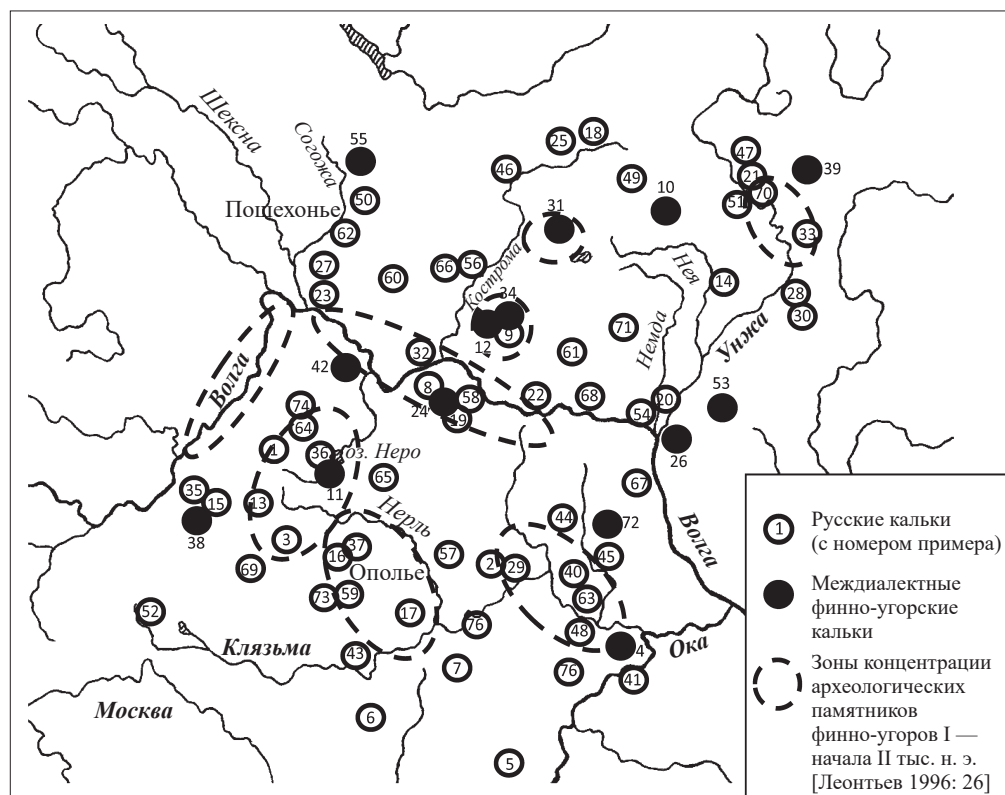
- на крайнем юго-западе ИМЗ (верхнее течение р. Клязьма, к северу и северо-востоку от Москвы);
- в западной части Пошехонья, между р. Шексна и ее притоком р. Согожа;
- в бассейне р. Немда и р. Нея в Костромской области.

Корреляция зон концентрации калькированных названий с археологическими памятниками мери конца I — начала II тыс. н. э. может говорить об истории и времени возникновения этих топонимов. Присутствие топонимических калек там, где мерянских поселений пока не отмечено либо отмечено очень мало, например в районе устья рр. Унжа и Немда, в верхнем течении р. Кострома, на левобережье р. Согожа, может указывать на перспективные территории поиска дополнительного археологического материала.

Другой важной особенностью является обнаружение достаточно большого количества смежных топонимов от разных финно-угорских основ, которые, по всей видимости, принадлежали разным финно-угорским диалектам (языкам), но обладают общей семантикой. Такие случаи мы называем междиалектными финно-угорскими топонимическими кальками (примеры см. ниже). Эти факты убедительно свидетельствуют о языковой разнородности финно-угорского населения I — начала II тыс. н. э. в ИМЗ и одновременном присутствии на данной территории представителей разных финно-угров, говоривших на разных диалектах (языках). В свою очередь, это соответствует выводам А. Е. Леонтьева о неавтохтонности мери, формировании мерянской этнической общности во второй половине I тыс. н. э. в результате миграционных процессов и контактов различных финно-угорских этнических групп (субэтносов) на территории ИМЗ [Леонтьев 1996: 292–294].

Большое количество междиалектных топонимических калек представлено в Костромской области, где носители разных диалектов (языков) могли столкнуться с местным костромским финно-угорским населением в результате миграции мери с более южных территорий на север. Ряд таких билингв также присутствует в южной части Ярославской области и в низовьях р. Клязьма. Они могли возникнуть в результате соответственно меряноско-позднеландяковских и меряноско-муромских контактов. В то же время отсутствие междиалектных топонимических калек в Суздальско-Юрьевском Ополье хорошо коррелирует с выводами А. Е. Леонтьева о близости материальной культуры мерянских памятников вокруг оз. Неро и Плещеево и в Ополье [Леонтьев 1996: 268, 270, 292]. Такое культурное единство, видимо, сопровождалось единством языковым, в результате чего контакты между этими группами не приводили к процессу междиалектного калькирования

топонимов, зато русско-финно-угорских калек в районе оз. Неро, Плещеево и в Ополе достаточно много.

Карта 1. Топонимические билингвы (калькированные названия)

Обозначенные на карте 1 топонимы²

1. р. Ашка — бол. Белое	7. р. Войнинга / Воймега — бол. Мерское
2. ур. Болбора / Балбары, р. Варжевка — н. п. Красная Горка	8. р. Вокшинка — оз. Чистое
3. овр. Бремболка — н. п. Городище	9. р. Воложница — р. Белая
4. р. Важня — р. Куржа	10. р. Вочема — р. Соег — н. п. Городище
5. р. Вареха — н. п. Верхоунжа	11. р. Гда — р. Сара
6. р. Воймега — ур. Бабино Болото	12. р. Ивешка — р. Векса
	13. р., пок. Качкур — н. п. Усолье

²На карте приведено 76 примеров вместо указанных в статье 90, потому что в случаях междialeктных финно-угорских топонимических калек в одном примере представлены сразу два субстратных финно-угорских топонима, например: р. Корба — р. Палиндра. Этимологии топонимов см. в приложении и ниже по тексту статьи.

14. р. Кекса — р. Каменка
15. омут Керакса — пок. Большой Рублевик
16. р. Киба — р. Каменка; р. Кисть — р. Каменка
17. н. п. Кибол, н. п. Кидекша — р. Каменка
18. р. Киевка — р. Камешнин
19. н. п. Койгоры — н. п. Березники
20. р. Койка — р. Березовка
21. поворот р. Кокиль — Кокильский Криуль
22. р. Колдома — р. Рыболовка
23. р. Колокша — н. п. Рыбная Слобода / Рыбинск
24. р. Корба — р. Палиндра
25. р. Корба — ур. Горяшино и н. п. Жар
26. р. Кордова — р. Куртюга
27. р. Коржа — н. п. Пустошка
28. р. Кочекса — н. п. Усолье
29. оз. Кочехоро / Кочихра — оз. Долгое
30. р. Куекша — р. Березовка
31. лес Кужлево — р. Шолга
32. оз. Кухло — оз. Великое
33. р. Кушка — н. п. Суховская
34. пок. Ламзинская Гора — г., ур. Тамар — ур. Черемушки
35. р. Лоткирка — р. Овражки
36. н. п. Львы / Лёв — н. п. Песочное
37. н. п. Маймор — часть этого н. п. Гора, рядом н. п. Горки
38. р. Маска — н. п. Шурма
39. р. Межа / Мёжа — р. Мичуг — р. Шохра / Боровая Шохра
40. н. п. Моста — оз. Черное
41. оз. Нерское — оз. Большое
42. р. Пахма / Пахна — р. Пекша
43. р. Пекша — р. Большая Липня
44. р. Пельма — р. Чернуха
45. р. Пенюх — ур. Бор
46. р. Печенга — р. Боровище
47. р. Пешпарт, р. Пеженга — р. Святица
48. н. п. Пировы Городищи
49. р. Полеима — н. п. Погорелово
50. р. Полка — н. п. Погорелово
51. дор. Растовая
52. р. Ремжа — р. Чернавка
53. р. Салеза — р. Шилекша / Шеликша
54. р. Салка — р. Сольца
55. р. Сегжа — р. Янгосорха
56. р. Секша — ур. Черное Болото
57. р. Синдер — р. Черная
58. р. Солобанка — р. Солоница
59. р. Тома — р. Дубенка
60. р. Томанка — ур. Дубнево
61. р. Томша — ур. Дуброво
62. р. Томша — н. п. Дубасово
63. оз. Унаур — оз. Великое
64. н. п. Чухолза — н. п. Горки
65. р. Шакиша — р. Черная Грязь
66. р. Шарна — р. Ивушка
67. н. п. Шарниха — н. п. Вербиха
68. р. Шарница — р. Вербушка
69. р. Шиморка, оз. Шумское — р. Черная
70. полоса поля Широкуши — поле Угло-вое
71. пок. Шишедам — место Шишеданов Овин
72. р. Шорня — р. Люлех
73. р. Шумара / Шимра — р. Черная
74. р. Шумарка — р. Чернуха
75. оз. Шумарское — р. Черная
76. р., н. п. Эдон / Эдом — н. п. Крутые Горки и н. п. Никологоры

Проиллюстрируем несколько наиболее показательных примеров междиалектного топонимического калькирования.

1.1. Сусанинский район Костромской области

В картотеке А. К. Матвеева со ссылкой на материалы полевых экспедиционных исследований содержатся два названия в Сусанинском районе Костромской области: пок. *Лámзинская Гора* и г., ур., пок. *Тамáр*. При наложении привязки топонимов на топографическую карту оказалось, что речь идет об одном и том же объекте, никакой речки с названием *Ламза* поблизости нет, однако в этом месте на современной топографической карте обозначено ур. *Черемушки* [АКО: 124, квадрат 63]. В трудах А. К. Матвеева этот факт не приводится и выявлен впервые в ходе работы над каталогом.

Русское название позволяет сопоставить основу иноязычных топонимов с финно-угорским словом со значением ‘черемуха’, которое реконструируется в прафинно-угорском как **δ'ete* [UEW: 65]. Известно, что начальный финно-угорский звук **δ'-* в волжско-финских языках (мордовском и марийском) закономерно давал рефлекс *л*: морд. эрз. *ламáрь*, диал. *лёмзёр* ‘черемуха (ягода)’ [ЭРС: 119, 123], праморд. **lām-* ‘черемуха’ [Кег: 81], мар. *ломбо* ‘черемуха (дерево)’ [СМЯ 3: 378]. В связи с этим основу *ламз-* в топониме *Ламзинская Гора* можно этимологизировать как ‘черемуха’, где *лам-* соответствует прамордовскому корню **lām-*, марийскому корню *лом-* ‘черемуха’, с отражением закономерного развития финно-угорского звука первого слога **e > морд. а, *e > мар. о* [Zhivlov 2014: 124–125]³. К этому корню в волжско-финских языках активно присоединялись другие словообразовательные элементы: например, в марийском языке элемент *-бо* в слове *ломбо* ‘черемуха (дерево)’ производят от мар. *лу* ‘дерево’ [EWT: 118]; элемент *-зёр* в диалектном эрзянском варианте слова *лёмзёр*, возможно, имеет суффиксальное происхождение. Аналогичным образом элемент *-з* в топонимической основе *ламз-*, вероятно, связан с продуктивным финно-угорским отыменным суффиксом **-ś* [ОФУЯ: 337] (в мордовских языках этот суффикс отражается в виде свистящего, а не шипящего звука). Огласовка корня, фонетические и словообразовательные аналогии сближают основу *ламз-* с мордовскими данными. Дialect, из которого происходит это слово, вероятно, был местным костромским волжско-финским диалектом, поскольку севернее Галича засвидетельствовано название р. *Лámза*, а в верхнем течении р. Кострома — р. *Лámса*, которые с опорой на рассмотренную кальку (*Лámзинская Гора* — *Черемушки*) можно надежно этимологизировать как ‘черемуховые’.

³В статье М. Живлова финно-угорский звук **e* обозначается как **j*. Ему регулярно соответствует прамар. **ii*, однако сам автор статьи отмечает, что часто (по невыясненным пока причинам) этот звук находит соответствия также в прамар. **ā* или **o* [Zhivlov 2014: 125].

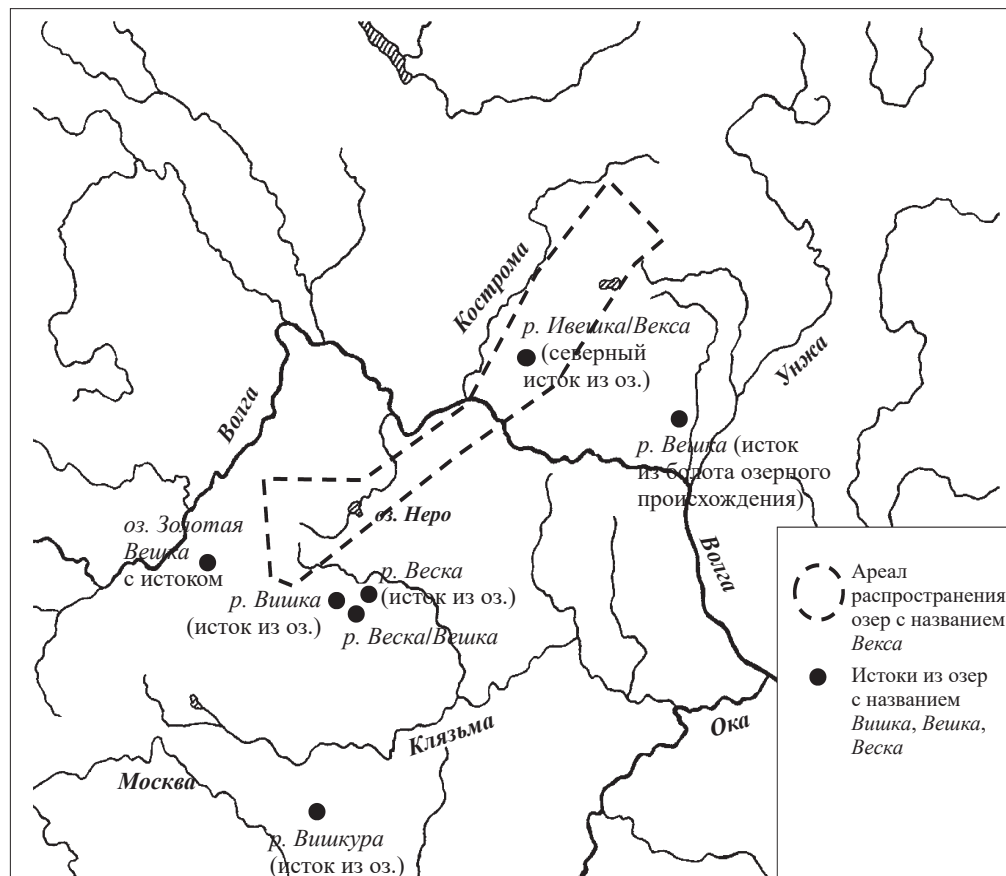
Другое народное название этой горы (покоса, урочища) — *Тамár* — заставляет вспомнить прибалтийско-финские данные. В прибалтийско-финских языках начальный звук **δ' - > приб.-фин. t-: фин. tuomi* ‘черемуха’ [ФРС: 661]. При этом финно-угорский гласный первого слога **e* регулярно соответствует в прибалтийско-финских языках звуку *a*. Однако в ряде позиций в словах с гласным второго слога **i (-e)*, например перед сонорным **m*, имел место специфичный прибалтийско-финский фонетический процесс перехода: ф.-уг. **a* и ф.-уг. **e > приб.-фин. *ō > фин. uo* [Aikio 2012: 232–241; Zhivlov 2014: 124–125]. Таким образом, основа топонима *там-* соответствует прибалтийско-финской форме слова со значением ‘черемуха’, но без специфичной прибалтийско-финской позиционной инновации **a* (из **e*) *> приб.-фин. *ō*, которой не было, например, в мордовских языках, где на месте ф.-уг. **e* регулярно сохраняется *a*. Поэтому в корне *там-* топонима *Тамár* мы имеем диалектную форму слова ‘черемуха’ с прибалтийско-финским консонантизмом и прибалтийско-финско-мордовским вокализмом. Следы таких волжско-финских диалектов с корнем *там-* ‘черемуха’ находим на юго-западе ИМЗ, где зафиксирован топоним р. *Тамара* (юг Ярославской обл., в районе оз. Неро) [АЯО: 102, квадрат 64]. Элемент *-мар* в названиях г., ур. *Тамár* и р. *Тамара* (из **Там-мар*) может иметь двоякое происхождение.

1. Урал. **mδrz* ‘поросший кустарником, лесом холм’ [UEW: 291] *>* праморд. **mar* ‘холм’ [Ker: 84]. Безусловную поддержку этой версии в названии г. *Тамár* оказывает географическая реалья (гора) и калька в другом варианте этого топонима (*Лámзинская Гора*). Распространение детерминанта *-мар(ь)* с вероятным значением ‘возвышенность, лесной массив’ в ряде топонимов в окрестностях оз. Неро и Плещеево (*Ихмарь, Кухмарь* [Матвеев 2015: 54]), так же как распространение основы *там-*, указывает на юго-западный источник соответствующего волжско-финского диалекта.

2. Ф.-волж. **marja* ‘ягода’ [UEW: 264], ср. морд. эрз. *ламарь* ‘черемуха (ягода)’ [ЭРС: 119], морд. мокш. *лаймарь* ‘ягода черемухи’ [МРС: 321]. Таким образом, возможно, **tam-mar* ‘ягода черемухи’ *>* р. *Тамара*.

Всего в 8 км западнее рассмотренной выше топонимической трилингвы (*Лámзинская Гора — Тамár — Черемушки*) зафиксирована еще одна междиалектная финно-угорская топонимическая калька — два варианта названия одного и того же объекта — истока из оз. Кишинское: р. *Векса / Ёвешка*. Первый вариант (*Векса*) укоренился официально, в том числе на топографических картах [АКО: 124, квадрат a2], второй вариант (*Ёвешка*) засвидетельствован в полевых экспедиционных материалах топонимической экспедиции УрФУ [ТЭ]. То, что эти два топонима обозначают один и тот же объект, впервые обнаружено в ходе работы над каталогом.

Ареал топонимов *Векса* хорошо известен и описан [Матвеев 2015: 132–133]. Этот географический термин со значением ‘исток из озера’ считается одним из наиболее надежных лексических индикаторов мерянского языка. Вместе с тем обращает на себя внимание, что он распространен далеко не повсеместно в ИМЗ. Ареал топонимов с формой *Векса* строго ограничен крайним западом и юго-западом Костромской области, отсюда он узкой полосой спускается к оз. Неро и Плещеево. Южнее и юго-западнее этого ареала истоки из озер называются несколько другими, но похожими формами слов: *Веска*, *Вешика*, *Вишика* (см. карту 2).

Карта 2. Название истоков из озер от ф.-перм. **wiskz* ‘промежуток, щель’ [UEW: 823]

Это позволяет предположить, что мы имеем дело с разноречными вариантами одного и того же слова, восходящего к ф.-перм. **wiskz* ‘промежуток,

щель' [UEW: 823], из которого, в частности, происходит коми *вис* 'проток, канал (соединяющий озеро с рекой)' [КЭСК: 58] и заимствованное из коми языка рус. диал. *віска* 'протока' [Матвеев 2015: 133]. В формах *Веска*, *Вешка*, *Векса* произошло расширение гласного звука **i > e*, которое имеет аналогии в качестве регулярного процесса в мордовских языках (ср. ф.-уг. **kiwe* [UEW: 163] > морд. *кев* 'камень'). Кроме того, в форме *Векса* возникла метатеза **sk > ks*, что также встречается в волжско-финских языках. Формы *Вишка*, *Вешка*, *Веска* имеют южное диалектное происхождение, в то время как форма *Векса*, вероятно, отражает костромской вариант этого слова.

Учитывая сказанное выше, можно предположить, например, что топоним *Ивешка* состоит из основы *и-*, которая сопоставляется с ф.-уг. **eje* (*iije*) 'ночь' [UEW: 72] в значении 'север', и детерминанта *-вешка* 'исток из озера', и имеет внутреннюю форму 'ночной (северный) исток', что полностью соответствует географической реалии: исток из оз. Кишинское вытекает строго на север, в р. Андоба. Как и в рассмотренном выше примере (*Ламзинская Гора* / *Тамар*), в вариантах названия р. *Векса* / *Ивешка* мы видим перевод костромского северного волжско-финского диалектного варианта одного и того же слова (**векса* 'исток', **ламза* 'черемуха') на его южный вариант (**вешка* 'исток', **там* 'черемуха'). По соседству с двумя этими примерами междиалектных топонимических калек (речь идет о расстояниях всего в несколько километров) расположен комплекс археологических мерянских памятников конца I — начала II тыс. н. э. у дд. Бухарино и Паршуки, состоящий из городища и ряда селищ [Леонтьев 1996: 248]. Все эти факты и совпадения трудно назвать случайными. Очевидно, что они отражают реальную историю и реальные языковые данные. Удивительным является то, как эти разноместные варианты одних и тех же относительно небольших географических объектов дошли до нас через многие века.

1.2. Мерянско-«севернофинские» контакты на северо-востоке ИМЗ, в Костромской области

Ряд междиалектных топонимических калек на северо-востоке ИМЗ (в северной части Костромской области) засвидетельствован в сочетании с гидронимами на *-Vz*. Этот тип гидронимов подробно рассмотрен в труде А. К. Матвеева [2007: 28–51, 172–180] и соотносится им с носителями так называемых севернофинских языков (термин А. К. Матвеева), которые в конце I — начале II тыс. н. э. населяли территории Русского Севера и в лингвистическом отношении, по выводам исследователя, были близки прибалтийско-финско-саамским языкам. Южная граница гидронимии на *-Vz* проходит в северо-восточной части Костромской области.

Рассматривая этимологию названия р. *Соег* (приток р. Вохтома в Костромской области) от слова, родственного прасаам. **sōjē* ‘убежище, кров, приют’, А. К. Матвеев указывает на возможную метонимическую кальку в названии соседнего н. п. *Городище* [Матвеев 2007: 140]. Данная этимология подтверждается еще одним топонимом, судя по его географическим, фонетическим и структурным особенностям, очевидно, принадлежащим к местной топонимии волжско-финского (мерянского) происхождения: р. *Вочема* (впадает в р. Вохтома по соседству с р. Соег и н. п. Городище). Название *Вочема* этимологически выводится из урал. **woša* ‘забор’ [UEW: 577] > морд. *oš*, хант. *waš*, *woš*, манс. *ōš*, *ūs* ‘город’ [Ibid.]. Формант *-Vма* является отражением продуктивного в субстратной топонимии ИМЗ отыменного суффикса ~ ф.-уг. **-m* [ОФУЯ: 344], ср. многочисленные названия *Яхрома* от основы *яхр-* ‘озеро’ в ИМЗ [Матвеев 2015: 75]. Учитывая мордовские и обско-угорские данные, семантическое развитие ‘забор’ → ‘город’ в этом слове является типичным. Вне зависимости от того, произошло оно еще в прафинно-угорском языке или развилось независимо в разных языках, мордовские данные и очевидная калька н. п. *Городище* — р. *Вочема* указывают на наличие этого слова в вымерших волжско-финских диалектах северо-восточной части ИМЗ. Соседнее название р. *Соег*, унаследованное из «южанского» языка⁴, также отражает безусловную семантическую связь с мерянским и русским топонимами.

Другой пример с крайних северо-восточных границ ИМЗ, из окрестностей г. Кологрив, связан с названием крупного левого притока р. Унжа — р. *Межа*. В речи местных жителей эта речка называется *Мёжа* (с ударением на первом слове), поэтому топоним никак не связан с русским словом *межа* ‘граница’. Ключ к его этимологии дает название верхней части течения этой реки — *Мичуг* (этот факт уже был ранее отмечен А. К. Матвеевым [2007: 106]). Топонимические основы *меж-* и *мич-* могут быть возведены к ф.-уг. **meśä* ‘край’, фин. *metsä* ‘лес’ [UEW: 269], причем в южанской топонимии сужение ф.-уг. **e* > *i* является регулярной чертой [Матвеев 2007: 174]. В подтверждение этимологии *Межа* и *Мичуг* как ‘лес’, ‘лесная река’, мы имеем еще и р. *Боровая Шохра*, которая впадает в р. Межа чуть ниже р. Мичуг и название которой этимологически соотносится с мар. луг. *шүргö*, мар. горн. *шёргёй* ‘лес’ [СМЯ 9: 418] (подробнее о фонетике сопоставления см. [Смирнов 2015: 60] и в выборке из каталога во второй части статьи). Фактически здесь перед нами топонимическая «мультилингва» из четырех слов разных языков (диалектов): *Мичуг* / *Межа* / *Шохра* / *Боровая*. Относительно фонетики топонима

⁴Термин *южанский язык* ввел А. К. Матвеев применительно к языку носителей гидронимии на *-Vz* [Матвеев 2007: 172–180].

Межа можно увидеть, что отражение в нем ф.-уг. *ś с помощью шипящего звука отличается от того, что мы видели на западе Костромской области, где ф.-уг. *ś, как в мордовских и прибалтийско-финских языках, оказывается свистящим (ср. *Ламза*). То, что это не случайность, говорят топонимы р. *Мёза* и р. *Мезенда* на западе Костромской области, в том же ареале, что и топонимы *Ламза* и *Ламзинская Гора*. Очевидно, что диалектные (языковые) различия имели место не только между костромской и центральной мерей, но и внутри самого костромского диалектного континуума, что еще больше усложняет и запутывает языковую ситуацию в ИМЗ. Эти языковые различия между западно-костромскими волжско-финскими диалектами и восточно-костромскими опять-таки хорошо соотносятся с археологическими данными. Так, А. Е. Леонтьев отмечает особенности материальной культуры мерянских памятников по р. Унжа по сравнению с западными территориями Костромской области [Леонтьев 1996: 249–258, 269, 292].

Рассмотренные выше междиалектные топонимические кальки свидетельствуют о контактах и чересполосном проживании различных в лингвистическом отношении волжско-финских (мерянских) групп населения внутри ИМЗ, а в приграничных северных районах ИМЗ — об их контактах с севернофиннами Русского Севера, носителями так называемого южанского языка. Косвенные свидетельства о времени этих контактов может дать тот факт, что оба приведенных выше примера «южанско-мерянских» топонимических калек сопровождаются русскими кальками, этот факт позволяет соотнести время их появления с русским заселением Костромской области в начале II тыс. н. э.

2. Важность калькирования для обоснования надежности этимологий

Топонимические кальки способны стать ключом к этимологическому анализу локальной субстратной топонимической системы, поскольку они существенно снижают вероятность случайности обнаруживаемых совпадений. Низкая вероятность случайности означает высокую вероятность неслучайности (закономерности) и может быть доказана математически. Задачей данной статьи не является обоснование и демонстрация математического аппарата вычисления вероятности этимологических сопоставлений, это предполагается сделать в отдельной работе, однако, чтобы понимать степень случайности и закономерности приводимых примеров, необходимо сделать ряд пояснений.

При выборе около 2 000 топонимов (столько топонимов содержится в каталоге) вероятность найти в этой выборке точное (с учетом закономерностей межъязыковой фонетической адаптации) соответствие произвольному

слову из произвольного языка размером в три звука составляет около 50 %. Предположим, что мы пытаемся найти соответствие слову *том*- со значением ‘дуб’ из гипотетического языка. Наличие в произвольной выборке в 2 000 топонимов слова с формой *том*- имеет вероятность 50 %, т. е. высокую вероятность случайного совпадения и обычной межъязыковой омонимии. Вместе с тем вероятность того, что, например, в Костромской области случайным образом в квадрате площадью 60 км² окажется русское название с основой *дуб*-, — 2,4 % (на километровой топографической карте имеется 24 таких названия на 60 тыс. км² Костромской области). Чтобы получить вероятность того, что в квадрате площадью 60 км² случайным образом рядом с субстратным топонимом с основой *том*- окажется русский топоним с основой *дуб*-, по законам математики нужно перемножить две вероятности: вероятность наличия в выборке субстратных топонимов с основой *том*- (50 %) и вероятность появления в квадрате 60 км² русского топонима с основой *дуб*- (2,4 %). Путем перемножения (50 % × 2,4 %) мы получим вероятность случайности такой ситуации — 1,2 %. Наличие потенциальной метонимической кальки в данном случае снижает вероятность случайного совпадения в 42 раза (с 50 % до 1,2 %). Если же у нас есть восемь топонимов с основой *том*- и рядом с четырьмя из них обнаруживаются русские топонимы с основой *дуб*-, то вероятность случайности такого совпадения вычисляется путем перемножения вероятности обнаружения четыре раза основы *дуб*- в одном из восьми произвольных квадратов площадью 60 км² и вероятности появления в выборке из 2 000 субстратных топонимов восемь раз одной и той же основы из трех звуков (*том*-). Первая вероятность высчитывается по упрощенной формуле:

$$(1 - (1 - 2,4\%)^8)^4 = (1 - 97,6\%^8)^4 \approx (1 - 82,34\%)^4 \approx 17,66\%^4 \approx 0,1\%$$

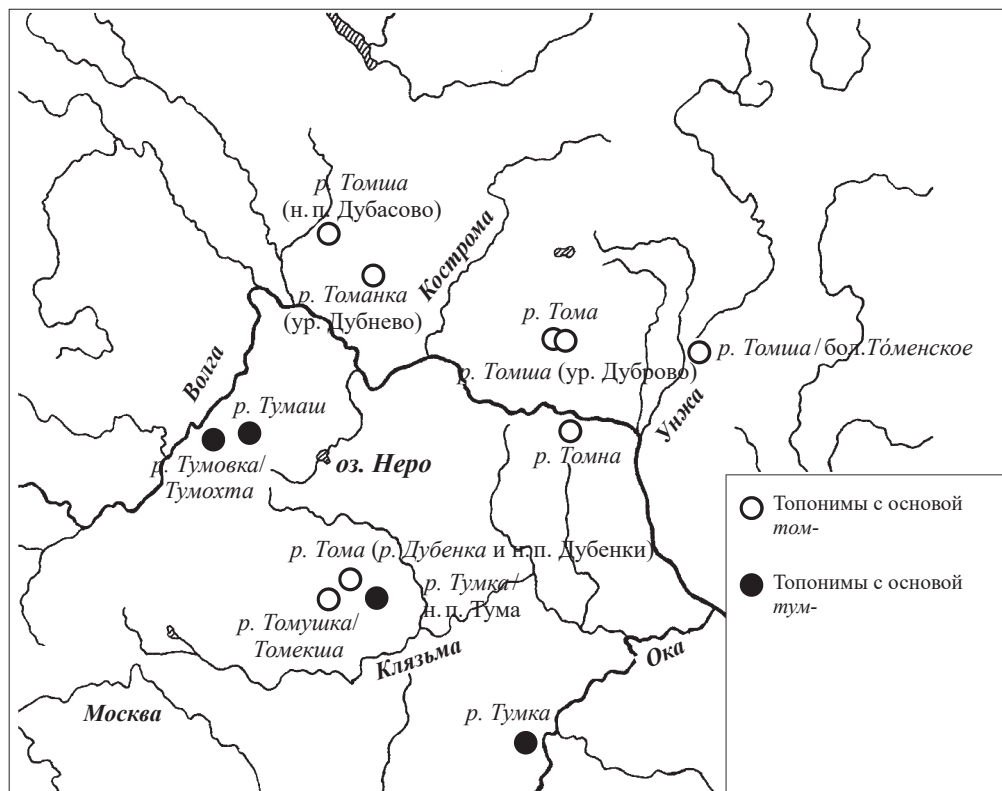
Вторая вероятность трудна для вычисления, но она заведомо меньше 50 %. Значит, общая вероятность случайного обнаружения в четырех из восьми случаев рядом с основой *том*- основы *дуб*- на территории ИМЗ будет меньше 0,05 %⁵. Следовательно, вероятность неслучайности (закономерности) предлагаемого сопоставления близка к 1, что соответствует высокой степени надежности этимологии.

Как видим, вероятность неслучайности этимологии резко повышается при потенциальном подозрении на калькирование и еще более повышается (до уровня максимальной надежности) при неоднократности этого явления. В нашей выборке мы из около 2 000 топонимов имеем 76 случаев потенциального калькирования. Если предполагать случайность этих сопоставлений, то

⁵ 0,1 % × 50 % = 0,05 %.

вероятность случайности одного примера (например, 1,2 %) нужно возвести в степень 76, чтобы понять, что вся приведенная совокупность фактов чисто математически не может быть случайной. Поэтому просто игнорировать приводимые факты, ссылаясь на то, что каждый отдельный из них может быть случайным, нельзя. В случае сомнения необходимо обосновать высокую вероятность случайности сопоставления и доказать, что эта вероятность математически высокая. Такой подход, предполагающий не просто субъективное мнение исследователя («мне так больше нравится»), а математически выверенные вычисления, позволит избежать многих малопродуктивных этимологических споров.

В каталоге засвидетельствовано восемь топонимов с основой *том-* (см. карту 3). Ранее высказывалось мнение о разных вариантах этимологии этих названий: от ф.-перм. **toma* ‘дуб’ [UEW: 798; см.: Матвеев 2015: 162–163; Смирнов 2015: 56; Ткаченко 1985: 46] либо от ф.-уг. **δ’ete* ‘черемуха’ [UEW: 65; см.: Матвеев 2015: 162–163; Рахконен 2012: 16; Смирнов 2015: 51].

Карта 3. Топонимы с основами *том-/тум-*

Факты метонимического калькирования четырех топонимов с основой *том-* в русских названиях р. *Дубенка*, н. п. *Дубенки*, ур. *Дубнево*, ур. *Дуброво*, н. п. *Дубасово* однозначно указывают на первый вариант этимологии (от слова со значением ‘дуб’). Причем, как было рассмотрено выше, основы со значением ‘черемуха’ имеют в ИМЗ вид *ламз-/там-*, о чем также свидетельствуют примеры калькирования.

Этимология топонимов с основой *том-* позволяет сопоставить их с топонимами с основой *тум-* (см. карту 3). На карте видна ареальная противопоставленность этих двух основ: топонимы с основой *том-* концентрируются в северной части ИМЗ, а с основой *тум-* — в южной части. Наличие двух топонимов с основой *том-* в Суздальском Ополе (на юге ИМЗ) не должно смущать и свидетельствует лишь о междиалектных миграционных процессах волжских финнов, усложнявших языковую картину. В любом случае, с опорой на надежную этимологию основы *том-* и ареальную противопоставленность ее топонимам на *тум-* можно надежно этимологизировать топонимы на *тум-* от финно-пермского слова со значением ‘дуб’, в очередной раз фиксируя языковые различия финно-волжских диалектов (языков) внутри ИМЗ. К вопросу об этих диалектных различиях можно также заметить, что основа *тум-* сочетается с формантом *-хта* (р. *Тумохта*), в то время как основа *том-* — с формантом *-киша* (р. *Томекиша*). Интересно также отметить, что при наличии русских метонимических калек у топонимов с основой *том-* подобных калек с основой *тум-* не обнаруживается, что может свидетельствовать как о характере контактов, так и о хронологии присутствия в ИМЗ разных финно-волжских групп.

Далее приведем еще ряд примеров, когда калькирование позволяет предпочесть ту или другую этимологию.

Топонимы с основой *коч-* в ИМЗ ранее этимологизировались либо от ф.-перм. **kaŕke* ‘горький’ [Матвеев 2015: 194–195], либо от урал. **kończ / *koćz* ‘длинный’ [Смирнов 2015: 48]. На северо-востоке ИМЗ, в бассейне р. Унжа, рядом с р. *Кóчекса* находится н. п. *Усолье*. Данный факт заставляет предпочесть для этого топонима первую этимологию и зафиксировать характерное для ряда волжско-финских диалектов ИМЗ изменение ф.-уг. **a > o* [Рахконен 2012: 16–17; Смирнов 2015: 28]. Еще более надежным соответствующий факт становится с обнаружением в исторических источниках на юго-западе ИМЗ, в районе оз. Плещеево, топонима р. *Качкур* — по соседству с н. п. *Усолье*. Эта местность в древности была известна добычей соли и размещением здесь известных на всю округу варниц. Примечательно, что, по новейшим данным, в этом слове в первом слоге реконструируется не просто ф.-уг. **a*, а финно-угорский звук **i* (в других источниках этот реконструируемый звук

обозначается как **e*, см. выше) [Zhivlov 2014: 133]. В связи с этим уместно вновь вспомнить ф.-уг. **δ'ete* ‘черемуха’, отразившееся в топониме р. *Тамара* из окрестностей оз. Плещеево, тоже с огласовкой *a*. Данные факты позволяют противопоставить диалекты ИМЗ с отражением этимологического **e* в виде звука *a* и диалекты с изменением **e* > *o*. Два случая одинакового калькирования одного слова настолько снижают вероятность случайных совпадений, что делает этот факт практически бесспорным.

В то же самое время на юго-востоке ИМЗ, в нижнеклязьминском (муромском) ареале, засвидетельствован топоним оз. *Кочихра* (современное картографическое *Кочехоро*). Рядом с оз. *Кочихра* (*Кочехоро*) находится оз. *Долгое*. Это позволяет предпочесть для данного топонима этимологию от урал. **kośz* ‘длинный’ [UEW: 180]. Еще бóльшую надежность данной этимологии добавляет наличие в этом же ареале названия оз. *Качхра*⁶. Поскольку в нижнеклязьминской зоне отмечается регулярный процесс сохранения этимологического **a* (в том числе происходящего из **e*) [Смирнов 2015: 28], то огласовка *коч-* на месте ф.-перм. **kačke* / **kjčča*₂ ‘горький’ [UEW: 113; Zhivlov 2014: 133] в нижнеклязьминском ареале сомнительна, а истинный рефлекс слова ‘горький’ можно предполагать в названии оз. *Качхра*.

Еще один пример связан с основами *шол-* и *шел-*. А. К. Матвеев склонен разделять эти основы, этимологизируя основу *шол-* (р. *Шóлокша*; куст деревень, лес *Шолохóнье*) от ф.-уг. **śala* ‘вяз’ [Матвеев 2015: 165], а основы *шел-* и *шил-* (р. *Шéлекша*, р. *Шíлекша*) сопоставляя с мар. *шыл* ‘мясо’ [Там же: 216]. Вместе с тем ключ к сближению этих основ дает этимология топонимов с основами *шорн-/шерн-/шарн-*, а также междиалектная топонимическая калька в названии двух взаимосвязанных рек: р. *Шеликша* и р. *Салеза*.

Топонимы р. *Шарна*, р. *Шарновка*, р. *Шарная*, н. п. *Шарниха*, р. *Шерна*, р. *Шорна* / *Шорнега* А. К. Матвеев справедливо этимологизирует из ф.-волж. **sarhe* ‘вид дерева’, ‘верба, ива’ [UEW: 752] с опорой на две метонимические кальки: р. *Шарна* — с н. п. *Ивушка*⁷ и н. п. *Шарниха* — с н. п. *Вербиха* [Матвеев 2015: 164]. В действительности этот ряд названий можно дополнить еще двумя метонимическими кальками, обнаруженными в ходе работы над каталогом: р. *Шарница* (приток р. Кистега на левобережье Волги в Ивановской обл.), напротив нее в р. Кистега впадает р. *Вербушка*; р. *Шорня* (исторически *Шорна*, приток р. Теза в Ивановской обл.), рядом с ней семантически неточная междиалектная метонимическая калька — р. *Люлех*,

⁶В современной картографической форме этого топонима — *Кочкарь* — закрепился искаженный вариант.

⁷В качестве уточнения необходимо сказать, что в р. *Шарна* впадает главный ее приток с названием р. *Ивушка* [АЯО: 40, квадрат а2], на котором находится н. п. *Ивушка*.

от ф.-перм. **lelз* (**lälз*) ‘ольха’ [UEW: 688] (обоснование этимологии топонима *Люлех* см. в [Смирнов 2015: 23–24]). В последних исследованиях уточняется, что вокализм первого слога в ф.-волж. **sarñe* следует реконструировать как **särnä* ‘верба, ива’ [Aikio 2014: 137; Zhivlov 2014: 115]. Финно-угорский гласный первого слога **ä* в субстратных диалектах ИМЗ (кроме нижнеклязьминской зоны) регулярно отражается в качестве звука *a* (ср. основу *яхр-* ‘озеро’ [Матвеев 2015: 73–76] от ф.-волж. **jäwřä*⁸), отсюда звучание основы *шарн-*. Вместе с тем р. *Шорна* / *Шорнега* (южная часть ИМЗ) в ранних исторических источниках называется также *Шернога* [Смолицкая 1976: 205]; кроме того, недалеко от нее есть крупный приток Клязьмы — р. *Шерна*, которая в исторических источниках называется также р. *Шорна* [Там же: 200]. Эти факты свидетельствуют о том, что финно-угорский звук **ä* в ряде финно-волжских диалектов ИМЗ мог сузиться в *e* по аналогии подобного процесса в марийском и эрзянском языках. В этом случае появление *шерн-* > *шорн-* в относительно старых заимствованиях до отвердения *ш* (до XIV в.) закономерно для русского языка и может быть объяснено старорусским переходом *e* > *o*.

Основы *шел-/шол-*, предположительно, связаны друг с другом аналогичным образом. По уточненной версии, этимон слова со значением ‘вяз’ на прафинно-угорском уровне реконструируется с вариативной огласовкой: **ćalV* / **ćälV* ‘вяз’ [Aikio UED: 101]⁹, при этом мордовские формы указывают на огласовку **ä* (праморд. **šäl'əj* ‘вяз’ [Ker: 135]), а марийские формы — на этимологическую огласовку **a* (прамар. **šolä* [EWT: 243]). По аналогии с примером *шерн-* > *шорн-* основа *шел-* может быть рефлексом ф.-уг. **šälV*, с такой же огласовкой, как в прамордовском, а *шол-* могло возникнуть из *шел-* на русской почве в результате перехода *e* > *o* после мягкого шипящего перед твердым согласным. В пользу этого говорят два факта.

1. *Шел-* появляется перед последующим мягким согласным, когда во втором слоге имеется гласный *e* или *i* (р. *Шелекша*, р. *Шеликша*), а *o* — перед последующим твердым согласным (т. е. именно в той позиции, где в русском языке действовал переход *e* > *o*), с *o* во втором слоге (р. *Шолокша*, н. п. *Шолохонье*). Единственный противоречащий этому правилу топоним — р. *Шелокша* — относится к крайней восточной периферии ИМЗ и может указывать на более позднее время заимствования, когда либо *ш* в русском языке уже отвердело, либо процесс перехода *e* > *o* закончил свое действие.

⁸Приводим это слово в реконструкции М. Живлова [Zhivlov 2014: 115].

⁹А. Айкио на месте ф.-уг. **š* реконструирует **ć*, что является спорным, но в данном случае принципиального значения не имеет.

субстратных волжско-финских диалектов ИМЗ [Смирнов 2015: 28], названия на *сал-* можно сопоставить с ф.-уг. **šalV / *šälV* ‘вяз’, но с огласовкой **a*, как в финно-пермских диалектах, из которых образовался марийский, так как ф.-уг. **ä* в нижнеклязьминской диалектной зоне регулярно дает лабиализованный звук *y* [Там же: 23–24]. Налицо ареальная дистрибуция диалектных различий, в связи с чем название р. *Салеза*, так же как название р. *Шеликша*, образовано от слова со значением ‘вяз’, а сама метонимическая калька находится в контактной зоне костромских и нижнеклязьминских волжско-финских диалектов (языков). Структурно-словообразовательно исход *-за* в топониме *Салеза* ‘вяз’ сопоставляется с суффиксальным элементом в слове *ламза* ‘черемуха’ (см. выше).

Из дистрибуции диалектных вариантов на месте ф.-уг. **šalV / *šälV* ‘вяз’ (карта 4) очевидно, что основа *шел-* характерна для северной зоны ИМЗ (север Ярославской обл., северная и восточная часть Костромской обл.), а основа *сал-* — для юго-восточной нижнеклязьминской зоны и под вопросом — для юго-западной части Костромской области. Единственный интересный факт этой основы — в виде *сел-* (р. *Селекша*), без перехода свистящего **š* в шипящий *ш*, но с огласовкой *e* на месте **ä*, — обнаруживается в Суздальском-Юрьевском Ополье, т. е. там же, где на юге ИМЗ ареально фиксируются названия с основой *шерн-* (*шорн-*), в которых также отмечается *e* на месте **ä*. Отсутствует эта основа на крайнем юго-западе ИМЗ, в ареале топонимов на *-хта*, при этом она не сочетается с формантом *-хта*, а представлена исключительно в сочетании с формантом *-киа/-кса*. Вероятность случайности всех описанных выше совпадений минимальна, что позволяет надежно объединить и этимологизировать основы *шел-/шол-/сел-/сал-* в рассмотренных выше топонимах от финно-угорского слова со значением ‘вяз’. Вопрос о том, относятся ли к этому гнезду несколько топонимов на *шил-* в восточной части ИМЗ (р. *Шилекша*, р. *Шилокша*, р. *Шиликша*), остается открытым, но он может быть поставлен ввиду того, что у двух топонимов с основой *шел-* засвидетельствованы варианты на *шил-* (р. *Шеликша / Шилекша*; р. *Шелекша / Шилекша*).

Вместе с тем, по-видимому, не все названия с основой *сал-* связаны с этимом со значением ‘вяз’. В сноске 10 было упомянуто название р. *Сálка* (в нижнем течении р. Немда, левого притока р. Волга, на юге Костромской области). Рядом с этой речкой есть р. *Сольца́*. В объяснении информантов оба названия связываются с соленым вкусом воды («вода соленая», «соли много»). Очевидно, что р. *Сольца* — русская калька с топонима р. *Салка*, который можно связать с ф.-перм. **salz* ‘соль’ [UEW: 750]. По уточненным данным, ввиду фин. *suola* ‘соль’ реконструкция вокализма второго слога в этом случае должна быть **sali* — из-за специфичного прибалтийско-финского

изменения $*a > *ō$ в словах типа $*-ali$ [Aikio 2012: 232–241; Zhivlov 2014: 124–125]¹¹. Как и в рассмотренном выше примере с основой *ламз-*, в данном случае в основе *сал-* мы имеем сохранение $*a$ и отсутствие специфического прибалтийско-финского фонетического процесса. Этот пример позволяет отделить основу *сал-* ‘соль’ от выше рассмотренной основы *сал-* ‘вяз’ (обычная омонимия) и предположить, что часть названий на юго-западе Костромской области с основой *сал-* (т. е. там, где нами ранее было отмечено сохранение этимологического $*a$, например р. *Саленка*, см. карту 4) могла происходить от слова со значением ‘соль’.

На более южных территориях ИМЗ есть другие рефлексy ф.-перм. $*sali$ ‘соль’. Так, на правобережье Волги, на границе Костромской, Ивановской и Ярославской областей в р. *Солоница* впадает р. *Солобанка*. Река *Солоница* известна своими источниками минеральных соленых вод, откуда и получила название. Название притока *Солобанка* имеет достаточно прозрачную финно-волжскую словообразовательную структуру: *сол-* — рефлекс ф.-перм. $*sali$ ‘соль’, с изменением $*a > o$, слог *об-* отражает распространенный в этой части ИМЗ суффиксальный элемент, по всей видимости, отыменнoй финно-угорский суффикс $*-p$ [ОФУЯ: 350], ср. р. *Яхробость* от основы *яхр-* ‘озеро’. В связи с огласовкой *-o-* в основе *сол-* ‘соль’ уместно вспомнить основу *том-* ‘дуб’ примерно на этих же территориях, поскольку, по новейшим данным, слово ‘дуб’ следует реконструировать со звуком $*a$ в корне: ф.-перм. $*tammi$ ‘дуб’ [Zhivlov 2014: 132]. Налицо регулярность изменения $*a > o$ в части диалектов ИМЗ: $*sali > сол-$, $*tammi > том-$. Вероятно, с этой же основой *сол-* ‘соль’ и аналогичным суффиксом $*-p$ в этом локальном ареале в Ярославской области фиксируются названия р. *Сольба*, р. *Сольбач*.

В довершение аналогии с фонетикой основы *том-/тум-* ‘дуб’ на юго-западе ИМЗ мы фиксируем основу *сул-* ‘соль’: н. п. *Сулость* на оз. Неро расположен на р. *Сула*, которая ранее также называлась *Солоть*. Местность вокруг н. п. *Сулость* издревле известна своими соляными промыслами, что находит отражение также в том, что в 6 км севернее от н. п. *Сулость* есть р. *Солоница* и пуст. *Солончиха* [Титов 1885: 82, 301]. В этом же юго-западном ареале ИМЗ неоднократно встречаются аналогичные названия: р. *Сулость*, р. *Сулать*, р. *Сулодь*, указывающие на соляные промыслы. Огласовка *сул-* ‘соль’ по сути является наиболее правильной и последовательной фонетической реализацией финно-пермского слова $*sali$ ‘соль’ в мордовских языках, поскольку в прамордовском в словах с гласным второго слога $*i$ корневой гласный первого слога

¹¹ О том, как в прибалтийско-финском на месте $*sali$ во втором слоге мог оказаться гласный *a* (фин. *suola*) см. [Напольских 2022: 46].

**a > u* [Zhivlov 2014: 124, 130–132], ср. **tammi* > морд. *тум* ‘дуб’ [Ibid.]. Между тем в мордовских языках мы имеем эрз. *салов* ‘соленый’: это предполагает, что собственно в прамордовском по каким-то причинам получил продолжение не рефлекс ф.-перм. **sali* ‘соль’, а, видимо, существовавший вариант **sala* ‘соль, солево’ (о протобалтской форме со значением ‘солево’ см. [Напольских 2022: 45]). Ареальное противопоставление основ *сол-* и *сул-* в общем и целом аналогично ареальному противопоставлению основ *том-* и *тум-* в ИМЗ¹².

Приведенные факты топонимов с основой ‘соль’ с территории ИМЗ позволяют дополнить и уточнить историю этого слова в финно-пермских языках, подробно представленную в книге В. В. Напольских [2022]. В то же время имеющиеся факты калькирования и экстралингвистические сведения о географических реалиях позволяют для большинства топонимов с основами *сол-* и *сул-* на юго-западе ИМЗ отвергнуть их сопоставление с финно-угорскими этимонами со значением ‘вяз’ (см. выше) и ‘таять’ (ф.-уг. **sula* [UEW: 450]).

Сокращения

В названиях языков и диалектов

манс.	мансийский язык	приб.-фин.	прибалтийско-финские языки;
мар. горн.	горномарийский диалект		прибалтийско-финский праязык
мар. лут.	луговой диалект марийского языка	урал.	прауральский язык
мокш.	мокшанский язык	ф.-волж.	финно-волжский праязык
прамар.	прамарийский язык	ф.-перм.	финно-пермский праязык
праморд.	прамордовский язык	ф.-уг.	финно-угорский праязык
прасаам.	прасаамский язык	хант.	хантыйский язык
		эрз.	эрзянский язык

В названиях географических объектов

дор.	дорога	пуст.	пустошь
н. п.	населенный пункт	ур.	урочище
пок.	покос		

Источники

- АКО — Атлас Костромской области + Горьковское водохранилище. Масштаб 1:100000 / отв. ред. А. Г. Косиков. Тверь : Ультра Экстент : Роскартография, 2009.
- АЯО — Атлас Ярославской области. Масштаб в 1 см : 1 км. Картографическая основа / М-во эконом. развития РФ ; Федер. служба гос. регистрации, кадастра и картографии. Тверь : Ультра Экстент : 2010.

¹²Необходимо заметить, что по аналогии с основой *сал-* ‘соль’ в южной и юго-западной части Костромской области ожидалось бы также появление основы со значением ‘дуб’ с огласовкой **там-*, однако таких фактов пока не зафиксировано.

- МРС — Мокшанско-русский словарь : 41 000 слов / под ред. В. А. Серебренникова, А. П. Фектистова, О. Е. Полякова. М. : Русский язык : Дигора, 1998.
- Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М. : Наука, 1976.
- СМЯ — Словарь марийского языка : в 10 т. / гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола : Марийск. кн. изд-во, 1990–2005.
- Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии: Историко-археологическое и статистическое описание. М. : Синод. тип., 1885.
- ТЭ — топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- ФРС — Финско-русский словарь : 82 000 слов / сост. И. Вахрос, А. Щербаков. М. : Русский язык, 1975.
- ЭРС — Эрзянско-русский словарь / сост. М. Н. Коляденков, Н. Ф. Цыганов. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 1949.

Исследования

- КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М. : Наука, 1970.
- Леонтьев А. Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М. : Геоэко, 1996.
- Матвеев А. К. Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 32–59.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 4 : Топонимия мерянского типа. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015.
- Напольских В. В. Названия соли в уральских языках. СПб. : Маматов, 2022.
- ОФУЯ — Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / ред. В. И. Лыткин и др. М. : Наука, 1974.
- Рахконен П. Границы распространения мерянско-муромских и древнемордовских гидронимов в верховьях Волги и бассейне реки Оки // Вопросы ономастики. 2012. № 1 (12). С. 5–42.
- Седов В. В. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмоскowie / отв. ред. Ю. А. Краснов. М. : Наука, 1971. С. 99–113.
- Смирнов О. В. «Марийская» гипотеза в исследовании топонимии Оки и Унжи и западные границы древнемарийской топонимии // Вопросы ономастики. 2015. № 2 (19). С. 7–61. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.2.001
- Ткаченко О. Б. Мерянский язык. Киев : Наукова думка, 1985.
- Топоров В. Н. «Baltica» Подмоскowie // Балто-славянский сборник / отв. ред. В. Н. Топоров. М. : Наука, 1972. С. 217–280.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М. : Наука, 1962.
- Ahlqvist A. Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // Studia Slavica Finlandensia. 1998. No. 15. S. 5–38.
- Aikio A. On Finnic long vowels, Samoyed vowel sequences, and Proto-Uralic *x // Per Urales ad Orientem: Iter polyphonicum multilingue : festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012 / ed. by T. Hyttiäinen, L. Jalava, J. Saarikivi, E. Sandman. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 2012. P. 227–250.

- Aikio A. On the reconstruction of Proto-Mari vocalism // Вопросы языкового родства. 2014. № 11. С. 125–157.
- Aikio UED — Aikio A. Uralic etymological dictionary (draft version of entries A–Ć). 2020. URL: https://www.academia.edu/41659514/URALIC_ETYMOLOGICAL_DICTIONARY_draft_version_of_entries_A_Ć
- EWT — Berczki G. Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2013.
- Ker — Keresztes L. Geschichte des mordwinischen Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial. Szeged : Universitas Szegediensis de Attila József Nominata, 1986.
- UEW — Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986–1991.
- Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-historische Klasse. 1935. T. 19. S. 507–594.
- Zhivlov M. Studies in Uralic vocalism III // Вопросы языкового родства. 2014. № 12. С. 113–148.

References

- Ahlqvist, A. (1998). Substratnaia leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniia v govorakh Iaroslavsko-Kostromskogo Povolzh'ia [Substrate Vocabulary of Finno-Ugric Origin in the Dialects of the Yaroslavl-Kostroma Volga Region]. *Studia Slavica Finlandensia*, 15, 5–38.
- Aikio, A. (2012). On Finnic Long Vowels, Samoyed Vowel Sequences, and Proto-Uralic x. In T. Hyytiäinen, L. Jalava, J. Saarikivi, & E. Sandman (Eds.), *Per Urales ad Orientem: Iter polyphonicum multilingue: festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012* (pp. 227–250). Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura.
- Aikio, A. (2014). On the Reconstruction of Proto-Mari Vocalism. *Voprosy iazykovogo rodstva*, 11, 125–157.
- Aikio, A. (2020). *Uralic Etymological Dictionary* (draft version of entries A–Ć). Retrieved from https://www.academia.edu/41659514/URALIC_ETYMOLOGICAL_DICTIONARY_draft_version_of_entries_A_Ć
- Berczki, G. (2013). *Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Keresztes, L. (1986). *Geschichte des mordwinischen Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial*. Szeged: Universitas Szegediensis de Attila József Nominata.
- Leontyev, A. E. (1996). *Arkheologii meri: K predystorii Severo-Vostochnoi Rusi* [The Archaeology of the Merya: Prehistory of Northeastern Russia]. Moscow: Geoeko.
- Lytkin, V. I. et al. (Eds.). (1974). *Osnovy finno-ugorskogo iazykoznaniia (voprosy proiskhozhdeniia i razvitiia finno-ugorskikh iazykov)* [Foundations of Finno-Ugric Linguistics (Origin and Development of Finno-Ugric Languages)]. Moscow: Nauka.
- Lytkin, V. I., & Gulyaev, E. S. (1970). *Kratkii etimologicheskii slovar' komi iazyka* [A Brief Etymological Dictionary of the Komi Language]. Moscow: Nauka.
- Matveyev, A. K. (2001). Merianskaia problema i lingvisticheskoe kartografirovanie [The Merya Problem and Linguistic Cartography]. *Voprosy iazykoznaniia*, 5, 32–59.
- Matveyev, A. K. (2007). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vol. 3). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Matveyev, A. K. (2015). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vol. 4). Ekaterinburg: Ural University Press.

- Napolskikh, V. V. (2022). *Nazvaniia soli v ural'skikh iazykakh* [Names of Salt in Uralic Languages]. St Petersburg: Mamatov.
- Rahkonen, P. (2012). Granitsy rasprostraneniia meriansko-muromskikh i drevnemordovskikh gidronimov v verkhov'iax Volgi i basseine reki Oki [The Distribution Limits of Meryan-Muromian and Ancient Mordvin Hydronyms in the Upper Volga and Oka River Basins]. *Voprosy onomastiki*, 1 (12), 5–42.
- Rédei, K. (1986–1991). *Uralisches etymologisches Wörterbuch* (Vols. 1–2). Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Sedov, V. V. (1971). Baltskaia gidronimika Volgo-Okskogo mezhdurech'ia [Baltic Hydronymy of the Volga-Oka Interfluve]. In Yu. A. Krasnov (Ed.), *Drevnee poselenie v Podmoskov'e* [Ancient Settlements in the Moscow Region] (pp. 99–113). Moscow: Nauka.
- Smirnov, O. V. (2015). “Mariiskaia” gipoteza v issledovanii toponimii Oki i Unzhi i zapadnye granitsy drevnemariiskoi toponimii [The “Mari” Hypothesis in the Study of the Toponymy of the Oka and Unzha Rivers and the Western Borders of Old Mari Toponymic Area]. *Voprosy onomastiki*, 2 (19), 7–61. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.2.001
- Tkachenko, O. B. (1985). *Merianskii iazyk* [The Meryan Language]. Kyiv: Naukova dumka.
- Toporov, V. N. (1972). “Baltica” Podmoskov'ia [“Baltica” of the Moscow Region]. In V. N. Toporov (Ed.), *Balto-slavianskii sbornik* [Baltic-Slavic Collected Works] (pp. 217–280). Moscow: Nauka.
- Toporov, V. N., & Trubachev, O. N. (1962). *Lingvisticheskii analiz gidronimov Verkhnego Podneprov'ia* [Linguistic Analysis of Hydronyms in the Upper Dnieper Region]. Moscow: Nauka.
- Vasmer, M. (1935). Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen. *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-historische Klasse*, 19, 507–594.
- Zhivlov, M. (2014). Studies in Uralic Vocalism III. *Voprosy iazykovogo rodstva*, 12, 113–148.